

DOI 10.58351/2949-2041.2025.19.2.008

Усманов Венер Мударисович
Научный сотрудник ЦПН ИЯЛИ АН РТ
им. Г. Ибрагимова, г. Казань
Vener Mudarisovich Usmanov,
Researcher of the Center of Written Heritage
of the Institute of Language, Literature and Arts
of the Academy of Sciences of the Republic
of Tatarstan named after G. Ibragimova, Kazan

**ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИУРАЛЬЯ
И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ КАЗАХСТАНА
СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.
EPIGRAPHIC MONUMENTS OF THE URALS
AND THE NORTH-WESTERN PART OF KAZAKHSTAN
FROM THE MID-18TH TO THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURIES.**

Аннотация: Для развития искусства письма по камню в Оренбуржье (в частности, в Каргалах) были все предпосылки – древние традиции, центр культуры, наличие сети духовных учебных заведений и что немаловажно, существование карьеров известняка являющегося одним из лучших материалов для художественного творчества. Изучение, фиксация и составление свода арабописьменных эпиграфических памятников Урала-Поволжья и Северо-Западного Казахстана;

Ключевые слова: Урало-Поволжье, Букеевская Орда, Младший жуз, арабописьменные памятники, татаро-казахские эпитафии, резчики-катибы, татарское письмо, каллиграфический орнамент, Каргалы, карьеры известняка.

Данная статья посвящена некоторым проблемам изучения, инвентаризации и составления каталогов арабописьменных эпиграфических памятников Урала-Поволжья и Северо-Западного Казахстана. Следует подчеркнуть, что мусульманские татаро-казахские эпитафии, находящиеся на вышеназванных бывших территориях Младшего жуза заслуживают особого внимания и требуют сравнительно-сопоставительного изучения для выяснения взаимовлияний в общем культурном пространстве в рамках исламской религии с эпохи Караханидов, Улуса Джучи, Ногайской Орды и Российской империи.

Сохранившиеся арабописьменные эпиграфические памятники тюркских народов являются ценными историческими документами ушедших эпох (без последующих добавлений и исправлений), а также, произведениями декоративного искусства, каллиграфии и архитектуры малых форм. Местами концентрации эпиграфических памятников Южного Приуралья середины XVIII – начала XX вв. является город Оренбург (вместе с Татарской Каргалой), а также города – Троицк, Актюбинск и предположительно Уральск. Для развития искусства письма по камню в Оренбуржье (в частности, в Каргалах) были все предпосылки – древние традиции, центр культуры, наличие сети духовных учебных заведений и что немаловажно, существование карьеров известняка являющегося одним из лучших материалов для художественного творчества. На многочисленных надмогильных памятниках XIX века прослеживается взаимодействие множества традиций в сложении полиэтнической культуры. Как правило, тексты на этих памятниках написаны на литературном старо-татарском языке кипчакско-огузского типа («*татарским письмом*»).

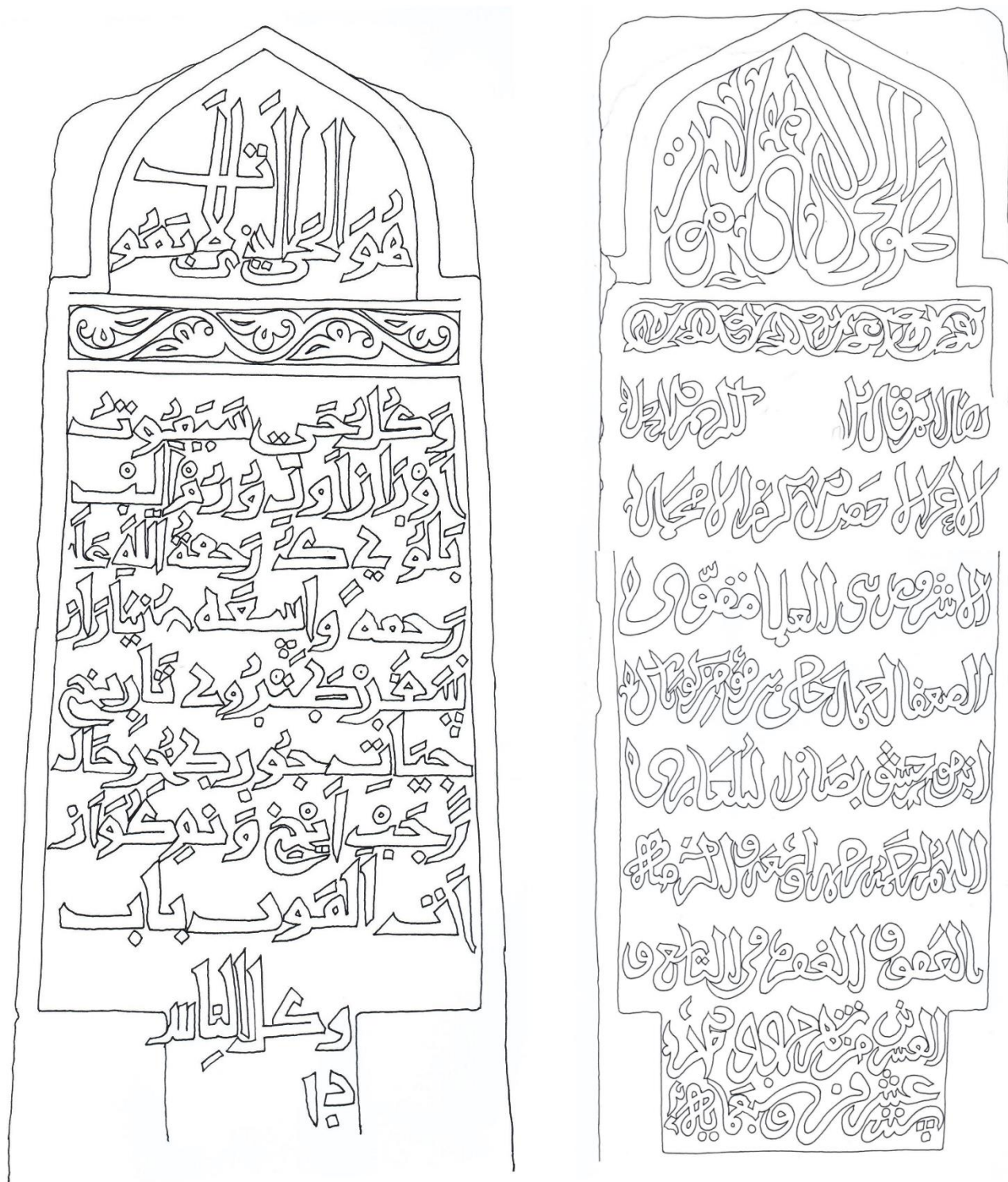

Рис.1 (а,б). Эпиграфические памятники Улуса Джучи (Республика Татарстан).
Эстампажи В.М.Усманова

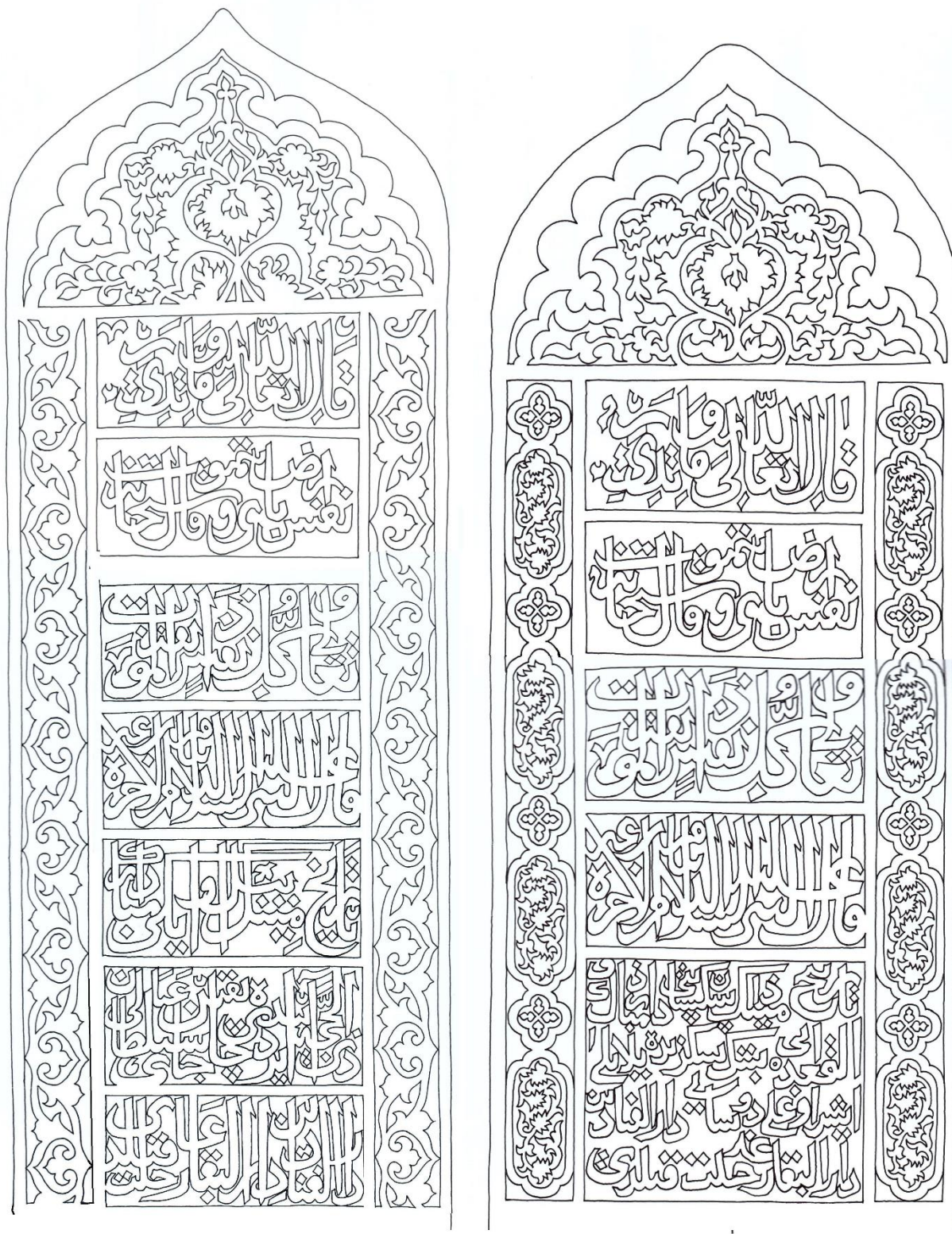

Рис. 2 (в,г). Эпиграфические памятники эпохи Казанского ханства (Республика Татарстан)

Лучшие образцы *кулътасов* монументального характера с кипчакскими узорами, выполненные оренбургскими мастерами по заказу и эстетическому вкусу состоятельных «*татаровя ногаи*» или казахов, находятся на современной территории западного Казахстана, Оренбуржья и Астрахани. Каждый представитель этнической группы «шимали-тюркского народа», пользуясь арабскими буквами, писал (или старался писать), подчиняясь определенным сложившимся нормам, но читал написанное по-своему, с учетом местных диалектных особенностей. В этих нюансах и тонкостях, в тот период, о котором здесь идет речь, ни у кого и никогда не было разногласия или непонимания.

На протяжении последних 20 лет сотрудниками Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан были организованы комплексные экспедиции во многие регионы Российской Федерации. В результате было выявлено и изучено в общей сложности сотни мусульманских некрополей и более 5-и тысяч эпитафий, что позволяет нам сделать определенные выводы и обобщения.

Местами максимальной концентрации эпиграфических памятников Южного Приуралья середины XVIII – начала XX вв. является город Оренбург (вместе с Татарской Каргалой), а также города – Троицк [4, с.2], [6, с.2], [2, с.219]. Актюбинск и предположительно Уральск. Именно, в течение этого возрожденческого периода в рамках Российского государства, как и в других центрах, достаточно активно функционировала торговля, производство, строительство, ремесленничество, в том числе, существовали многочисленные мастерские по изготовлению изделий декоративно-прикладного искусства, ювелирных украшений и эпитафийных памятников. Работы оренбургских резчиков письма по камню устанавливались не только на местных кладбищах, но и довольно далеко за пределами – на северо-западных территориях Младшего жуза (в частности, в Букеевской Орде) и даже, в Поволжье – в современных границах Пензенской области, Башкортостана, Татарстана, Мордовии).

Изначально, первые надгробные памятники города Оренбурга (к сожалению, не сохранились) и Сеитова посада выполнялись в рамках старых традиций, идущие с предыдущих веков, связанных с культурой, Караханидов, Золотой Орды, Казанского, Касимовского и Крымского ханств, государств Средней Азии и Северного Кавказа. Однако следует подчеркнуть, мало что известно о мемориальных памятниках городов Улуса Джучи – Ургенча, Сарай-Берке или Сарайчик [8, с.790-791].

На более ранних «ташбилге», чаще всего, форма верхней части имело изображение стрельчатой арки (рисунок 1), а потом, с течением времени, эта традиция, исчезая, переходила в обычную прямоугольную или полукруглую форму (рисунок 2).

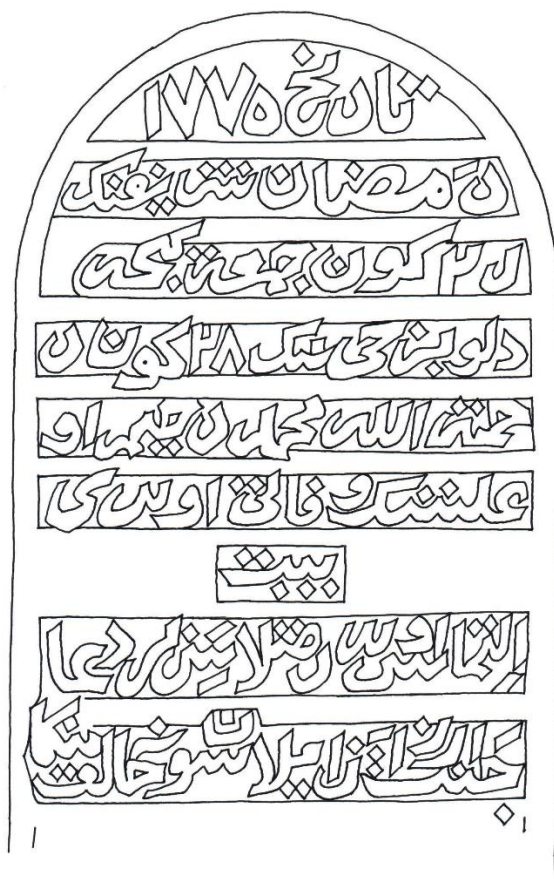

Рис. 2. Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (1770 г.)

Многие эпитафии Оренбуржья созданные до середины XIX в. имели не усложненные (но совершенные) композиции с «каллиграфическим орнаментом», во многих случаях, без какого либо растительного или геометрического декора, зачастую исполненные многочисленными профессиональными переписчиками книг или ювелирами (рисунок 3).

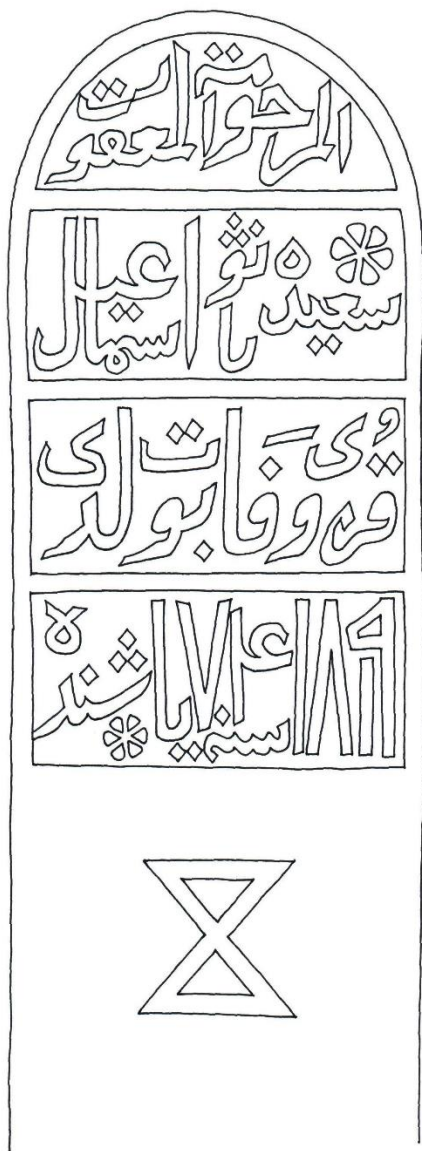

Рис. 3. Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (1819 г.)

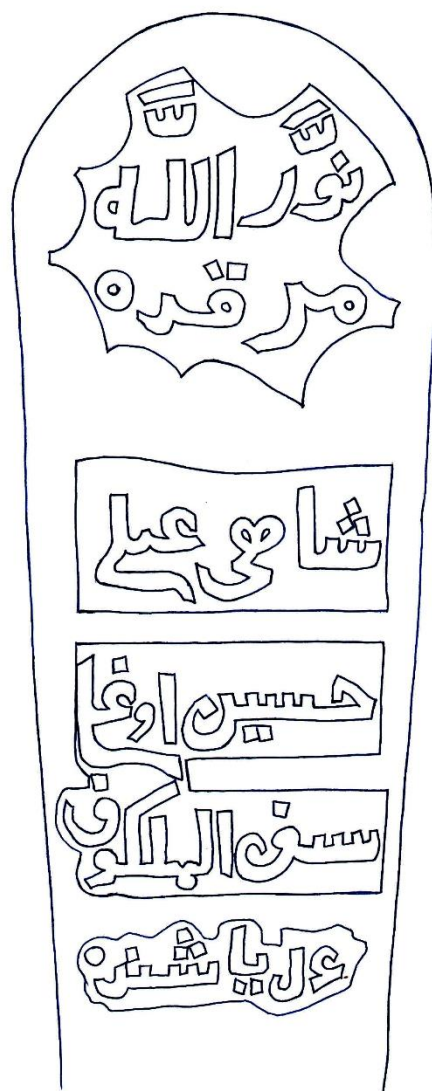

Рис. 4. Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (конец XIX – нач. XX вв.)

А с середины XIX в., с началом широкого распространения книгопечатания в Поволжско-Уральском регионе, в этот процесс включается и широкий круг кативов-ремесленников, зачастую не владеющие секретами и правилами арабской каллиграфии, о чем свидетельствуют некоторые надписи далекие от уровня высоких образцов. Таким образом, с течением времени и вышеуказанных обстоятельств, этот вид искусства «камнерезной каллиграфии», теряя художественное мастерство нередко превращалась в обычную продукцию ремесленничества (рисунок 4).

В отличие от традиций казанских татар, на некоторых эпитафиях относящихся к «степнякам» (ногайским татарам, башкирам и казахам) в текстах указывается названия рода, отделения рода, подотделения и тамга, а в орнаментальных композициях изображаются им только характерные «кипчакские» узоры (рисунки 5-1, 6-2, 7-3).

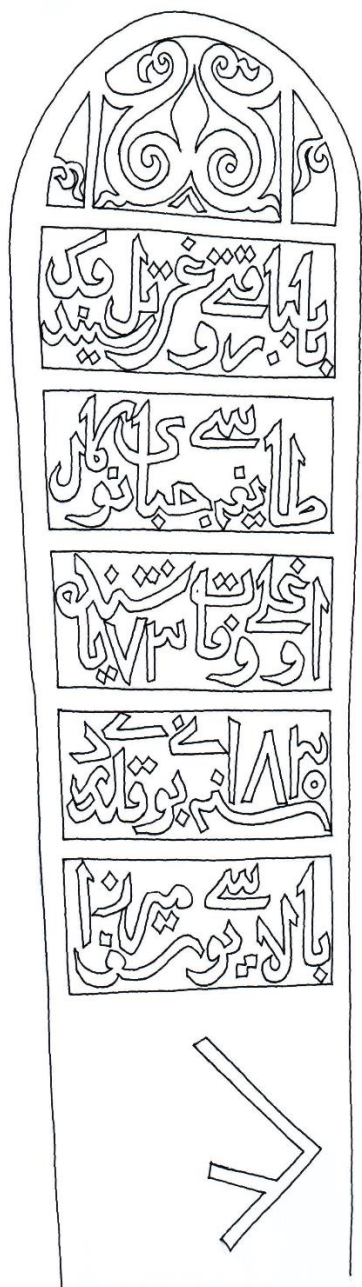

Рис. 5. Памятник из с. Сафарово Дергачевского района Саратовской области (1830 г.)

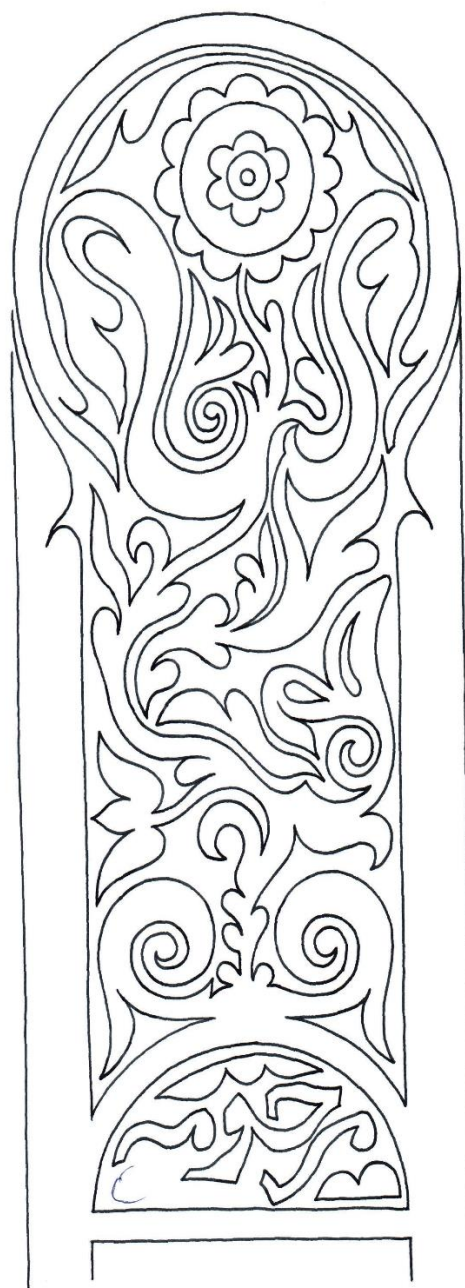

Рис. 6. Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области, фрагмент растительного орнамента на оборотной стороне эпитафия (конец XIX – нач. XX вв.)

Рис. 7. Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области, растительный декор на оборотной и боковых сторонах эпитафия (конец XIX – нач. XX вв.)

Среди «кабрташей» могут быть образцы с «чалма»образным завершением (рисунок 8), наподобии северокавказских, но отличающихся от турецких или крымских. На некоторых эпиграфических памятниках определенных типов под условным названием *культас* созданных с середины XIX века в Каргалах (или в Оренбурге) прослеживается прямое влияние дагестанских и казахских мастеров. Кабрташи Младшего жуза этого периода выполнялись по желанию и заказу представителей высшего сословия «*киргиз-кайсаковского*» народа с учетом их эстетических запросов с применением в навершии оригинальных архитектурных малых форм и степного декора.

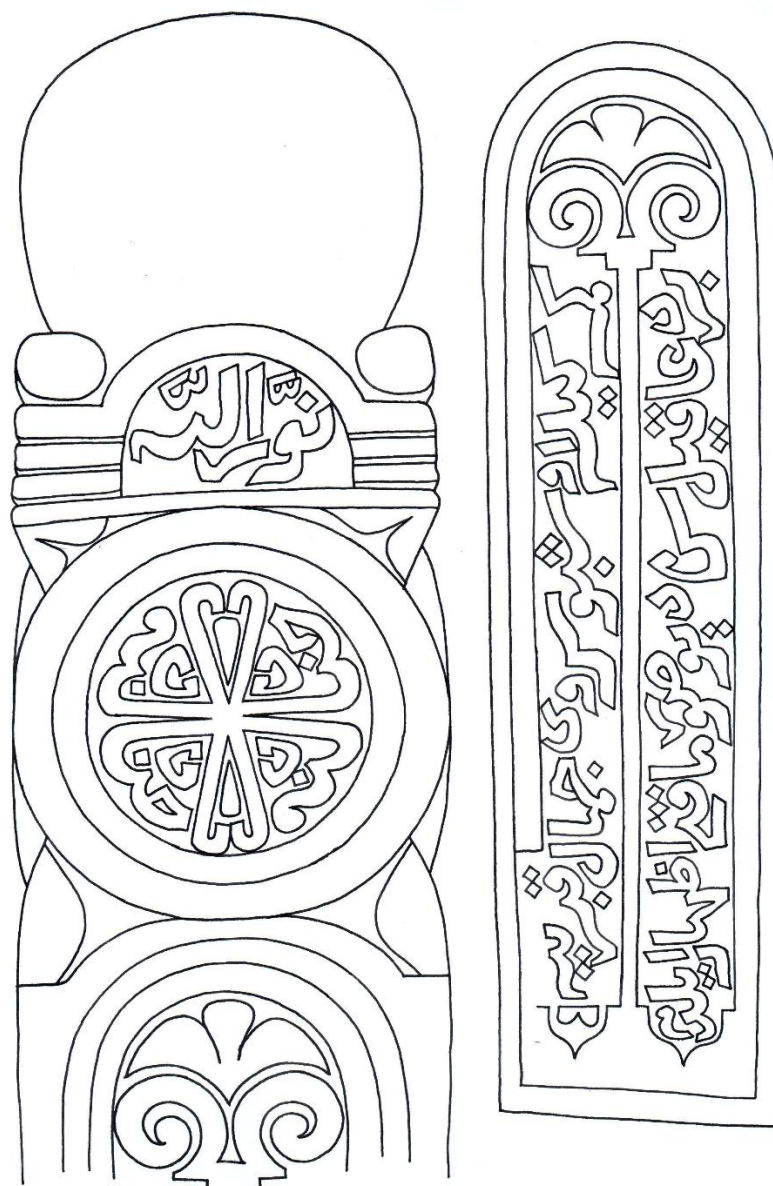

Рис. 8. Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (вторая половина XIX в.)

Рассматривая особенности типов эпитафических памятников, в целом, можно утверждать, что их анализ помогает реконструировать сложный процесс стремления сохранения былых традиций, идущих со средних веков, а также становления и развития в новых условиях местных особенностей камнерезного искусства мастеров Оренбургского края. По ходу изучения выясняется то, что часть объектов достаточно четко отражают разнообразие индивидуальных отличий, связанных с художественными вкусами и возможностями каждого местного резчика-катиба или заказчика. Следует отметить, на примере определенных групп намогильных памятников XIX века прослеживается взаимодействие множества традиций в сложении полиэтнической культуры. По нашему наблюдению, в некоторых эпитафических памятниках с продолговатыми формами и с полукруглым навершием, имеющий на тимпане («*михраб бизаге*») каллиграфический декор с надписью *ياحنان يامنان* *ياحنان يامنان* в виде симметричного узора напоминающий (астральный знак) крест подверждает высказанную мысль. Очевидно, мы видим

трансформацию так называемого языческого и «христианского» знака в «мусульманский символ» в виде каллиграфического декора. Такие случаи перехода «чужеродного» изображения (“*хач*”) в совершенно другое культурное пространство мы видим, на некоторых осетинских эпитафических памятниках в рамках одного этноса. По всей вероятности, этот элемент декора, превращенный в «мусульманский», с течением определенного времени, постепенно распространяется по всему северному Кавказу, в частности, в Дагестане. А оттуда, этот элемент композиции, через заказчиков ногайских татар переходит в степную зону Малого жуза, доходя до Сеитова посада (рисунок 9).

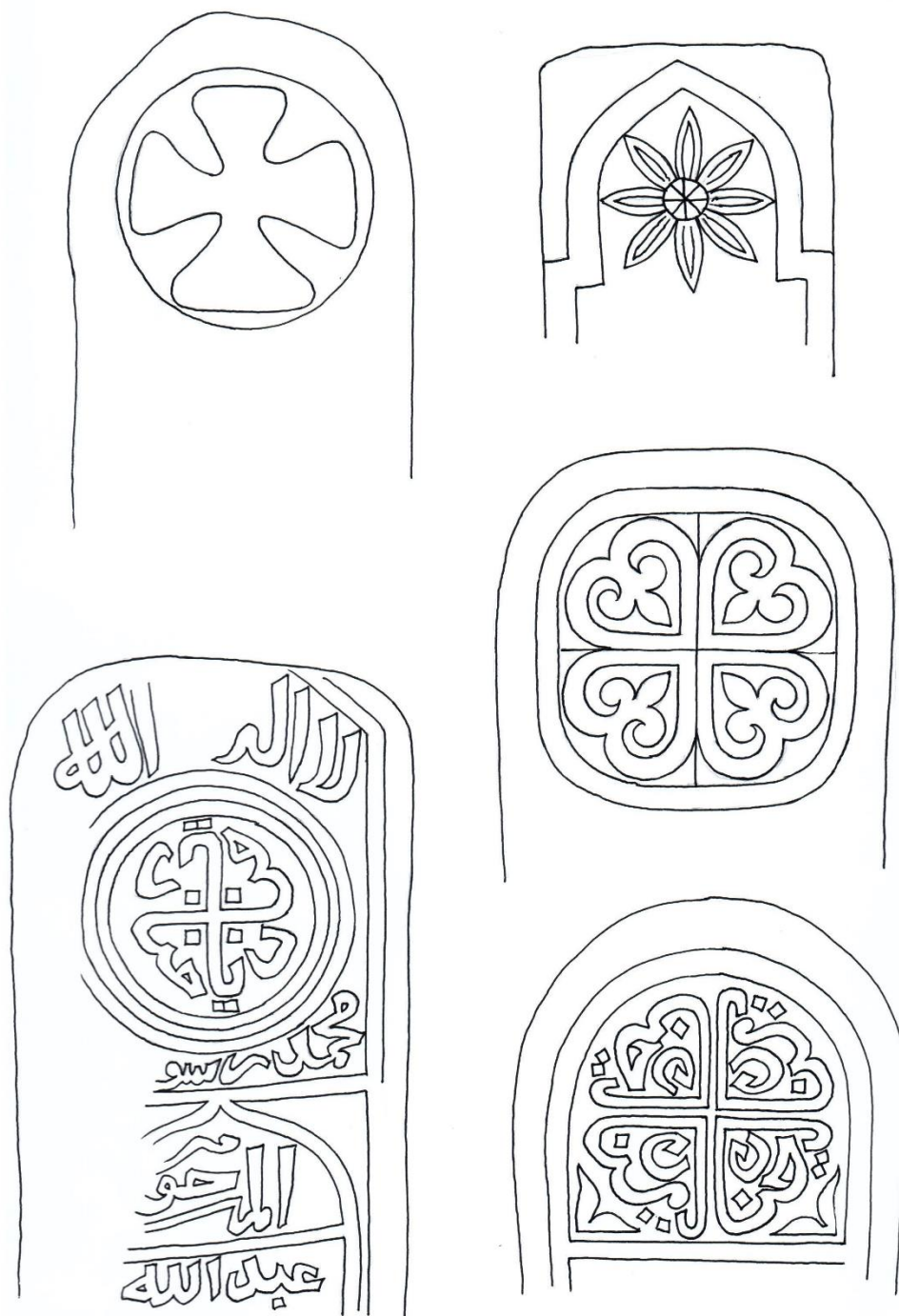

Рис. 9 (а). Астральные знаки и арабисьменные символы в виде каллиграфического декора

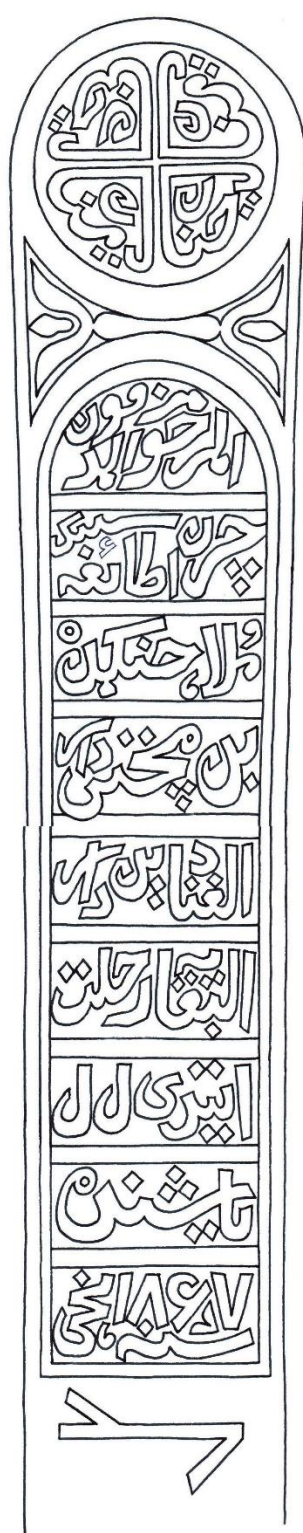

Рис. 9 (б)

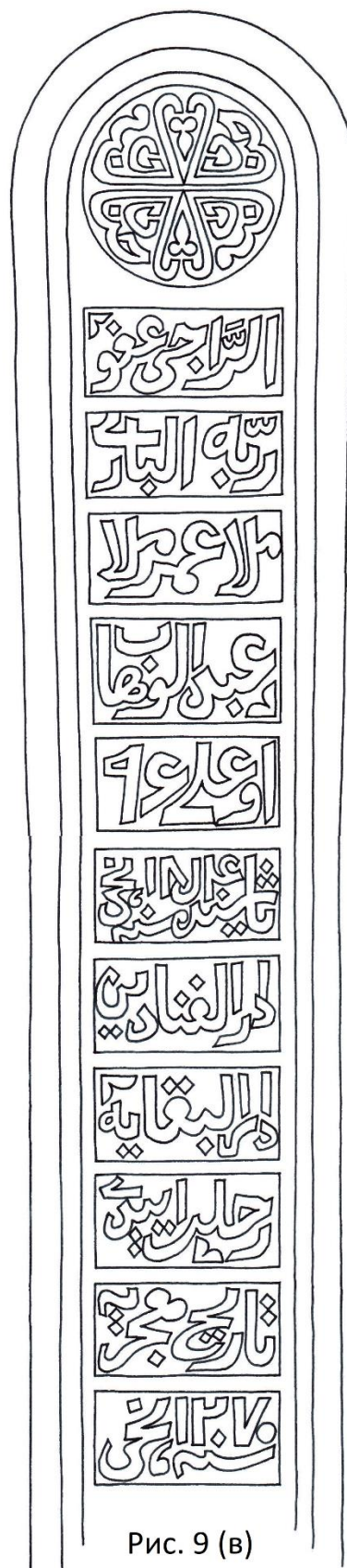

Рис. 9 (в)

Рис. 9 (б,в). Памятники из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (вторая половина XIX в.)

Такого типа *кабрташи*, изготовленные каргалинскими или оренбургскими мастерами, имеются, не только, на территории Южного Урала, но и в Среднем Поволжье и, как было сказано выше, распространяясь, они доходили до некоторых отдаленных населенных пунктов Верхнего Поволжья. Как известно, для развития искусства письма по камню в Оренбуржье (в частности, в Каргалах) были все предпосылки – древние традиции, наличие сети духовных учебных заведений и что немаловажно, существование карьеров известняка в гребенских горах близ города.

Лучшие образцы *култыасов* монументального характера с кипчакскими узорами, выполненные оренбургскими мастерами по заказу и эстетическому вкусу состоятельных «*татаровя ногаи*» [8, с.781] или казахов, находятся на современной территории западного Казахстана, Оренбуржья и Астрахани (в частности, кабрташ Букей-хана в селе Малый Арал Красноярского района), (рисунок 10).

Рис. 10 (а). Памятник из с. Татарские Каргалы
Сакмарского района Оренбургской области (1815 г.)

Рис. 10 (б). Памятник из с. Малый Арал Красноярского
района Астраханской области (1823 г.)

Как правило, эпитафии на этих памятниках написаны на литературном старотатарском языке кипчакско-огузского типа («татарским письмом») [8, с.773], который часто идентифицируется с (чагатайским) тюрки. Следует подчеркнуть, здесь нельзя противопоставлять поволжский тюркский (старотатарский литературный) язык со среднеазиатским, «чагатайский язык образовался в связи с культурным влиянием Золотой Орды на Туркестан, а не наоборот» [1, с.121]. Что касается староузбекских эпиграфических памятников, то они, вероятно, после эпохи великого Алишера Навои (преимущественно) выполнялись уже не на тюркском (староузбекском), а на персидском и арабском языках [1, с.7].

На ногайских южных *сынтасах* близ Астрахани, изготовленных дагестанскими мастерами, как правило, тексты написаны на арабском. К тому же, одним из первых зафиксированных «северокавказских» образцов находящихся на кладбище Татарской Каргалы, с характерными особенностями декорировки, является стела принадлежащая Зулейхе, дочери муфтия М. Хусаинова, изготовленная в 1817-ом году (рисунок 11).

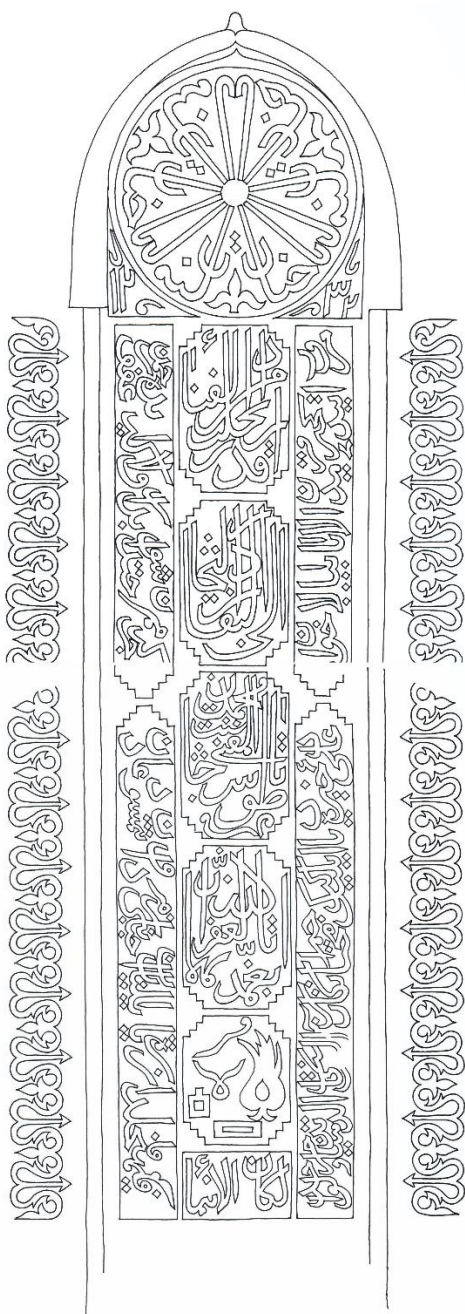

Рис. 11. Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (1817 г.)

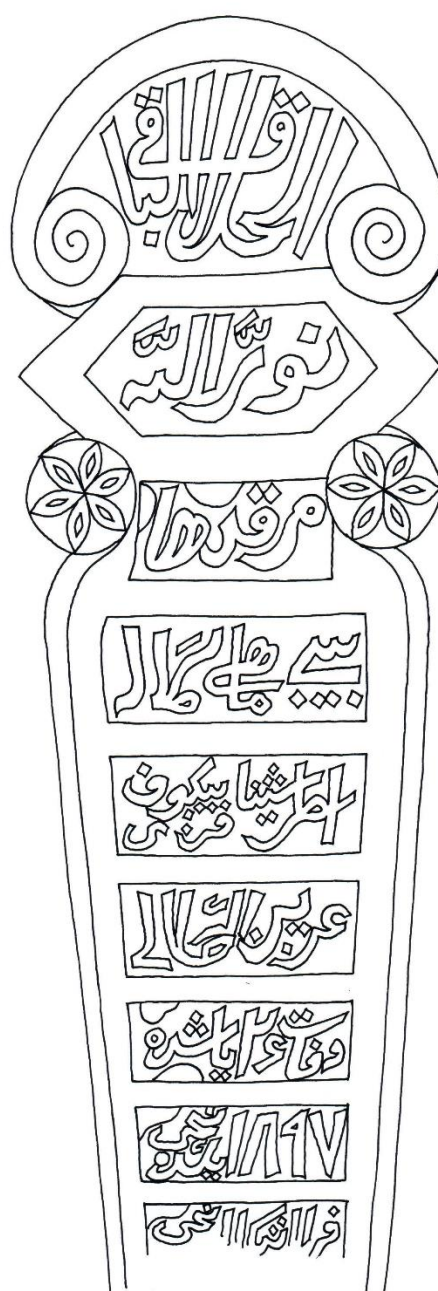

Рис. 12 (а). Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (1856 г.)

Такого типа оформления композиции, им только присущими северокавказскими деталями декора, не характерным работам татарских мастеров того времени, доказывают вышеуказанные утверждения. [5, с.53].

Детальное изучение эпиграфических памятников Поволжско-Уральского региона и Северо-Западного Казахстана диктует и такую потребность, возникающую при их исследовании: а именно, необходимость выявления групп кабрташей и их авторов-исполнителей – катибов по характерным индивидуальным признакам. В настоящее время выявлено около 20 имен троичских резчиков по камню и более 10-и имен оренбургско-каргалинских катибов. Анализируя эпиграфические памятники можно уверенно утверждать: среди абат-байтакских стел, работ троичских резчиков или оренбургских мастеров – Ибрагим ахуна, Мухаммада, Мухаммадшарифа, Хайруллы Усманова, Губайдуллы Исмагилова не имеется. Это можно определить путем палеографического анализа почерков, техники исполнения, декора и малых архитектурных форм. По материалам эпиграфических памятников некрополя Абат-Байтак, мы можем ориентировочно выявить имена некоторых предполагаемых авторов-исполнителей многочисленных кабрташей – Исхак бин Абдулкарим (1801/1802), Абдрашид бин Абдулкарим (?-1815/1816), Гатаулла бин Узбек (?-1832/1833) [7, с.22], Сайфутдин бин Хафизеддин [С.44, 353-360], [3, с.305] и Нурали. Очевидно, “язгучы Нурали” был одним из известных каргалинских резчиков письма по камню. До опубликования прекрасного издания казахстанских коллег книги-альбома об эпитафиях мемориального комплекса «Абат-Байтак» у нас не было информации об имени этого катиба-резчика. [3, с.112]. С большой вероятностью можно утверждать, что он учился, жил и работал именно в Каргалах. В своих работах Нургали тексты писал на старотатарском языке, которые не сильно отличался от чагатайского. Кроме него алматинские коллеги определили имена еще трех мастеров камнерезов казахского происхождения – Мендибая *قلعوچی مكدباي طاشچی*, Мамбет Нияза сына [Даиба] и предполагаемого резчика Куаныша. Но, однако, их работы резко разнятся от каргалинских.

На многих эпитафиях можно увидеть часто повторяющиеся трафаретные стихотворные строки философского содержания (рисунок 14), также оригинальные поэтические произведения, представляющие большой интерес для литературоведов [3, с.266-267].

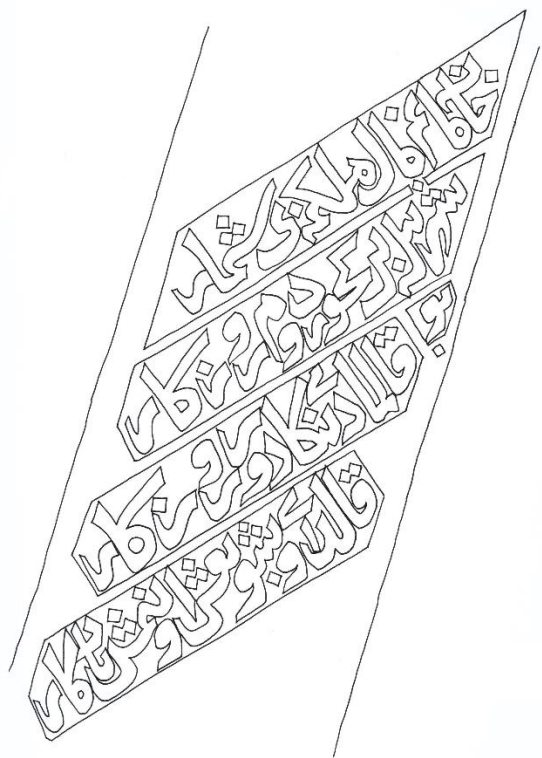

Рис. 14 (а). Памятник из погребально-культурного комплекса Абат-Байтак Западного Казахстана (стихотворные строки на левой боковой стороне эпитафия, конец XVIII – нач. XIX вв.)

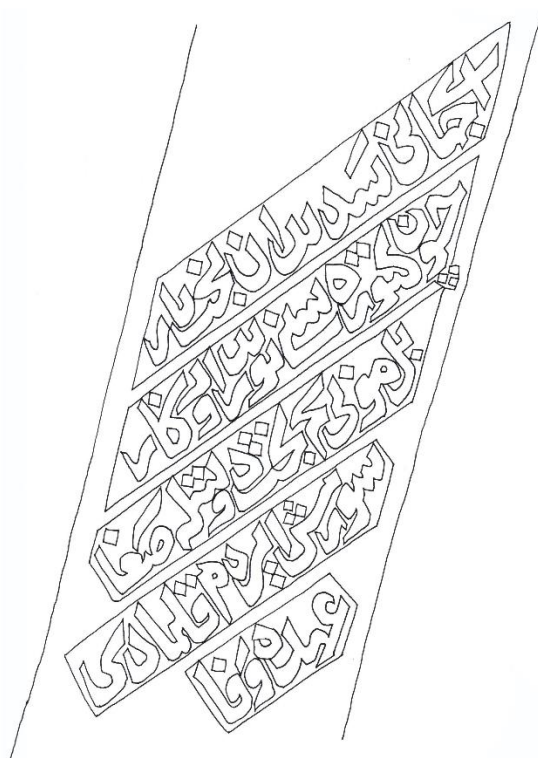

Рис. 14 (б). Памятник из погребально-культурного комплекса Абат-Байтак Западного Казахстана (стихотворные строки на правой боковой стороне эпитафия, конец XVIII – нач. XIX вв.)

خانه مانم مال ملكمه بی شمار	Ханә манем мал мөлкәмә би шәмәр,
شهر بله بر کچوردوم روزگار	Шөһрәт илә бер кичердем рузгяр.
بو قالمادی نکادور روزگار	Бу, калмады нигәдер рузгяр,
قالدی او شبو نقش اولنمش یادگار	Калды ошбу накыш улынмыш ядкяр.
ای جنی سراپدان بخت یار	Әй, жаны сәрападан бәхте-йар,
چون کتوره سنی بوندا روزگار	Чөн китерә сәне бунда рузгяр,
بل مونی کم بخت دولتله صفا	Бел моны кем бәхет дәүләт-илә, сафа
سورمش ایردم، قالمادی غمده وفا	сөрмеш ирдем, калмады гамьдә вәфа!

На эпитафиях, кроме арабографических надписей, встречаются, как было сказано выше, изображения родовых знаков (на троицких эпитафиях они не зафиксированы, если не считать один единичный случай).

При создании эпитафийных памятников катибы обычно использовали самый распространенный почерк насх, реже – сульс, рикъа, талик, насталик. Однако, многие тексты выполнялись индивидуально-оригинальным (неклассическим) почерком.

Как известно, северные тюрки («шимали-тюркский народ», в лице татар, их предков) почти тысячу лет пользовались арабской письменностью и впоследствии имели широкую сеть национальных школ. При этом так называемый литературный язык «тюрки» Урало-Поволжья (то есть старотатарский) находил свое прекрасное изобразительное отражение в универсальной арабской графике. Каждый представитель этнической группы «шимали-тюркского народа», пользуясь арабскими буквами, писал (или старался писать), подчиняясь определенным сложившимся нормам, но читал написанное по-своему, с учетом местных диалектных особенностей. В этих нюансах и тонкостях, в тот ранний период, о котором здесь идет речь, ни у кого и никогда не было разногласия или непонимания.

К середине XIX в. в оренбургских (каргалинских) мастерских создавались кабрташи не только «ногайско-казахского» варианта *сынтасы* напоминающие малые архитектурные формы, но и в европейском стиле. Кроме этого, имеются кабрташи с антропоморфными очертаниями, внешне схожие с каменными изваяниями (балбалами) в виде стилизованных фигур человека (рисунок 12), которые нашли отражение и на памятниках Младшего жуза.

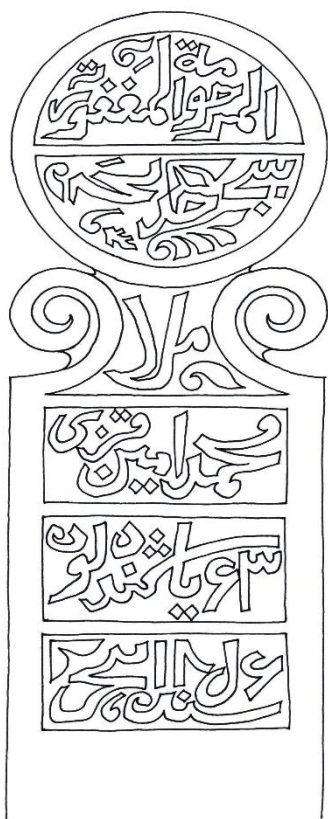

Рис. 12 (б). Памятник из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (1856 г.)

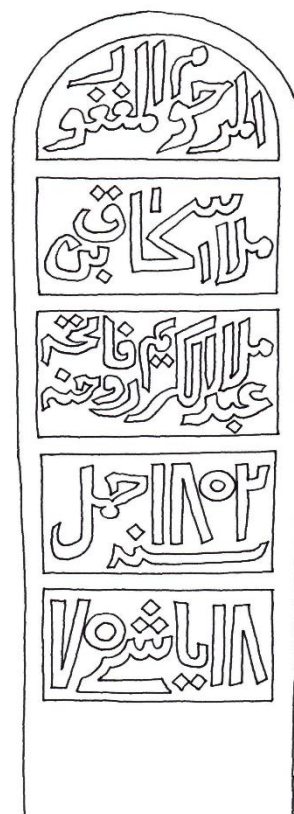

Рис. 13. Памятник на могиле катиба Исхака бин Абдулькарим из с. Татарские Каргалы Сакмарского района Оренбургской области (1802 г.)

В заключение хочется сказать, среди источников по истории и культуре тюркских народов особую значимость имеют древние или старинные эпиграфические памятники. Выявление, изучение, фиксация, инвентаризация, картографирование и издание фотографий с текстами надмогильных камней, обнаруженных на территории Российской Федерации и Казахстана остается настоятельной необходимостью [8, с.3]. Ведь многие произведения эпиграфического искусства тюркоязычных народов России разбросанных в степных регионах (в частности, в Беляевском, Акбулакском, Соль-Илецком и др. районах Оренбургской области) и Казахстана до сих пор остаются вне поля зрения современных ученых-эпиграфистов.

Список литературы:

1. Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. – М. : Ломоносовъ, – 2020. – С. 7.
2. Махмутов З.А. История татар Костаная и Костанайской области (XVIII в. – XXI в.). – Воронеж: ООО «Чемпион», 2022. – 400 с. (Приложение 3. Эпитафии мусульманского кладбища Костаная (фото П. Шаблея, перевод А. Гайнутдинова). С. 219-246].
3. Муминов А.К., Дюсенов Б.Д. Арабописьменные эпиграфические памятники некрополя «Абат-Байтак». Книга-альбом / Муминов А.К., Дюсенов Б. Д.; с участием Аллен Франк (редактор текста на английском языке, США), У.А. Утепбергеновой (составитель указателей, Казахстан). – Алматы: Алтын парак, 2023. – 496 с. + Диск фильма о некрополе «Абат-Байтак».
4. Усманов В.М. Исторические памятники. Мусульманские эпитафии г. Троицка. 5-ая книга. Стерлитамак, 2013. 300 с., [7:2]
5. Усманов В.М. Татар ташъязма ядкярлэре. Татар Каргалысы ташъязмалары. 1745-1945 еллар арасы. Икенче китап. – Казан, 2019. – 400 б.: рәс. белән.
6. Усманов В.М. Тарихи ядкәрләр. Алтынчы китап. Троицк шәһәре мөселман эпитафияләре. Уфа: Аркаим, 2013. 128 с.; [3:219].
7. Усманов В.М. Татар ташъязма ядкәрлэре. Татар Каргалысы ташъязмалары. Икенче китап (Каталог). – Казан, 2020. – 420 б.: рәс. белән.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Квадрига, 2024. – 1048 с.
8. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 462 с.

